

Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

Годовщины

Зинаида Гиппиус (род. 1867)

And what if she (had) seen those glories fade
Those titles vanish and that strength decay?

*Wordsworth **

Было бы несправедливо, празднуя шестидесятилетие Зинаиды Гиппиус, судить ее исключительно на основании того, что она делает теперь и забывать об ее долге и славном прошлом. Моральная дальтонистка, лишенная способности непосредственного узнавания и различения добра и зла, она, на свою беду, одарена сильными этическими эмоциями, только некстати приуроченными. Отсюда вся неудачность и нелепость ее нынешней позиции — беспощадного судьи, не умеющего читать в законе. Присоединив к этому то, что весь ее жизненный путь трагически искажен роковой связанностью с Мережковским, присоединив чисто биологическое сознание сиротства, естественное в человеке, «пережившем свой век», и всегда дающее какую-то «праведность» его «неправым упрекам» и его раздражению на «багровые лучи молодого, пламенного дня» — мы пойдем и простим нынешнее лютое озлобление Зинаиды Гиппиус, и без горечи, с благоговейной грустью обратимся к тем ее созданиям, которые дали ей непоколебимое место в пантеоне русского творчества.

Это, конечно, ее стихи. Чем дальше мы отходим от символизма, тем более становится ясно, что Зинаида Гиппиус была едва ли не самым крупным поэтом «первого выпуска» символистской

* А если ее слава потускнела, имя поблекло, а сила пришла в упадок?

школы (выпуска 90-х годов). Изю всех старших символистов Зинаида Гиппиус была самая русская, с самыми глубокими корнями в русской традиции. Товарищами ее в этом были Александр Добролюбов, Иван Коневской, Владимир Гиппиус; но ни один из них не осуществился вполне как поэт; Коневской погиб молодым; Добролюбов отрекся от поэзии во имя мистики; Гиппиус остался хаотическим неудачником. Одна Зинаида Николаевна добилась подлинных, прочных, совершенных достижений на путях метафизической поэзии. Ее метафизическая традиция восходит, с одной стороны, к Баратынскому и Тютчеву, с другой — к Достоевскому. С Тютчевым ее связь особенно ясна, хотя от нее был совершенно скрыт основной мир тютчевской поэзии, лежащий за «зримой оболочкой» видимой природы, и даже сама видимая природа — нет поэта более отрешенного от всего зримого, чем Зинаида Гиппиус. Но тон ее, несомненно, близок тютчевскому. Особенно сближает ее с ним то, что одна изю всех русских поэтов после него она создала настоящую поэзию политической инвективы. Даже написанные в состоянии крайнего озлобления стихи 1917—18 годов — подлинно поэтическая брань, достойная сравнения со стихами Тютчева на приезд Австрийского эрцгерцога или на князя Суворова. Раньше же она написала два истинных шедевра пророческой инвективы — «П е т е р б у р г» 1909 года

(И не сожрет тебя победный
Всеочищающий огонь —
Нет, ты утонешь в тине черной
Проклятый город, Божий враг,
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк!)

и П е т р о г р а д 1914 года —

Но близок день — и возгремят перуны...
На помощь, Медный Вождь, скорей, скорей!
Воскреснет он, все тот же бледный, юный,
Все тот же в ризе девственных ночей,
Во влажном визге ветренных раздолий
И в белоперистости вешних пург
Создание революционной воли —
Прекрасно-страшный Петербург!

Думала ли Кассандра о своих пророчествах, когда детище Петрово «Аврора» входила в Неву?

Но главное ядро ее поэзии — не это великолепное красноречие, а цикл стихов, единственных в русской литературе, в кото-

рых глубочайшие абстрактные переживания воплощены в образы изумительно-жуткой конкретности. Лучшие из них на свидригайловскую тему, о вечности — русской бане с пауками по углам, на тему о метафизической скуке, о метафизической пошлости, о безнадежном отсутствии огня и любви, о метафизической «липкости» своей же души. Воплощающие мучительный внутренний опыт (опыт, родственный гоголевскому, в такой же мере, как и подпольно-свидригайловско-бобковому опыту Достоевского), эти стихи исключительно оригинальны, и я не знаю ни на каком языке ничего на них похожего. Это «Там», «Между», «Нелюбовь», «Мудрость», «Черный Серп», «Дьяволенок», «А потом?», «Возня», «Серое Платьице», «Она», может, самое острое и едкое изю всех:

В своей бессовестной и жалкой низости,
Она как пыль сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почувал жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа — она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

